

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Не в наши дни, а давно-давно жил один тюнагон по имени Минамóто-но Тадаёри и было у него много красивых дочерей. Двух старших достойным образом выдали замуж и поселили в роскошных покоях родительского дворца — одну в западном павильоне, а другую в восточном. Двух младших окружили самыми нежными заботами, готовясь в скором времени торжественно отпраздновать обряд их совершеннолетия, когда на девушку впервые надевают длинное мо.

Была у тюнагона и еще одна дочь. В былые дни он иногда навещал ее мать, происходившую из обедневшей ветви императорского рода, но возлюбленная его рано ушла из этого мира.

У законной супруги тюнагона Китанокáты — «Госпожи из северных покоев»¹ — было жестокое сердце. Она невзлюбила свою падчерицу, обращалась с ней хуже, чем с последней служанкой, и поселила ее поодаль от главных покоев дворца, в маленьком домике у самых ворот. Звали этот домик просто «отикубó» — «каморкой», потому что пол у него был почти ровень с землей.

Само собой разумеется, падчерицу не дозволяли величать, как других дочерей, ни высокородной госпожой, ни каким-нибудь другим почтительным прозвищем. Хотела было Госпожа из северных покоев дать ей такое имя, какое годится только для служанки, но побоялась, что мужу это не понравится, и приказала: «Живет она в отикубо — каморке, пусть и зовут ее «Отикубо́»². Так это имя за ней и осталось.

Сам тюнагон тоже не выказывал особой отеческой нежности к этой своей дочери. С самых ее младенческих лет он был к ней равнодушен, и потому она попала безраздельно во власть мачехи и нередко чувствовала себя одинокой и беззащитной.

На всем свете не было у нее ни родных, ни близких, ни даже кормилицы, никого, кто мог бы послужить ей опорой в жизни, кроме одной молоденькой служанки³. Служанка эта, бойкого ума девица по прозванию Усиромí, ходила за ней еще при жизни ее матери. Обе девушки от всей души жалели друг друга и не разлучались ни на одно мгновенье.

В красоте Отикубо не уступала своим холемым и балованным сестрам, но на людях она не показывалась, и потому свет о ней ничего не знал.

Чем старше становилась Отикубо, чем больше входила в разум, тем сильнее страдала оттого, что жизнь к ней так немилосердна и что на долю ее выпадают одни только горести. Она жаловалась

на свою судьбу в песнях, всегда таких грустных.
Вот одна из них:

Каждое новое утро
Новой бедой грозит,
Новой обидой ранит.
Что мне сулит этот мир?
В чем я найду отраду?

Девушка всегда была печальна. Ее грустный вид без слов говорил о том, как глубоко она чувствовала людскую несправедливость.

От рождения Отикубо была наделена светлым умом и многими талантами. Она могла бы хорошо играть на семиструнной цитре, но кто стал бы учить ее? Только в самом раннем детстве, лет шести-семи, она училась у своей матери играть на цитре с тринадцатью струнами⁴ и то в совершенстве овладела этим искусством.

Когда ее младшему брату Сабурó, сыну законной жены тюнагона, исполнилось десять лет, он очень полюбил игру на цитре.

— Обучи его, — приказала мачеха, и Отикубо иногда показывала мальчику, как надо играть на цитре.

От скуки в свободные часы она начала заниматься шитьем и скоро научилась отлично владеть иглой.

— Вот это похвально! — обрадовалась мачеха. — Девицы ничем не примечательной наружности должны прилежно учиться какому-нибудь мастерству.

И посадила падчерицу за шитье, не давая бедняжке ни минуты отдыха. Отикубо пришлось одной мастерить все наряды для обоих мужей своих старших сестер. Иногда она ночами глаз не смыкала. Чуть опоздает, мачеха начнет донимать попреками:

— Попросишь эту недотрогу сделать сущий пустяк, и то корчит недовольное лицо. Что же она считает подходящей для себя работой, скажите на милость?

Девушка украдкой лила слезы и вздыхала:

— О, как бы я хотела поскорее умереть!

Тем временем торжественно отпраздновали совершеннолетие третьей дочери, Саннокими, и вскоре же выдали ее замуж за одного молодого человека в чине куродо-но сёсё⁵. А Отикубо стало еще тяжелее: пришлось шить для зятя новые наряды.

В доме не было недостатка в молодых и красивых прислужницах, но кто из них согласился бы взять на себя такой низкий труд, как работа иглой! Служанки часто издевались над Отикубо, и она, проливая слезы над шитьем, сетовала:

Напрасно путь я ишу,
Чтоб навсегда покинуть
Этот жестокий мир.
Несу я трудную ношу:
Грустную жизнь мою.

Усироми могла поспорить с кем угодно красивой наружностью и длинными прекрасными волосами⁶, и потому ее приставили для услуг к но-

вобрачной. Поневоле пришлось подчиниться. Грустно было Усироми, но что могла она поделать?

— Самое мое заветное желание в жизни: никогда не разлучаться с вами. Даже когда моя родная тетюшка прислала за мной, я и то отказалась покинуть вас. За что же мне судьба послала такое наказание? Почему должна я служить не вам, моей любимой госпоже, а чужой женщине?

— Полно, что за разница, ведь мы по-прежнему будем жить в одном доме. Я даже рада, ведь ты ходишь в жалких отрепьях, а теперь тебе подарят новые наряды.

Усироми была полна признательности к своей юной госпоже за ее доброту и любовь. Она не в силах была видеть, как Отикубо грустит в одиночестве, и, страдая за нее душой, каждую свободную минуту прибегала к ней. И крепко же доставалось за это Усироми!

— Отикубо по-прежнему то и дело зовет к себе эту служанку! — сердилась госпожа Китаноката. Не часто случалось теперь девушкам поговорить по душам. Даже звать Усироми стали теперь по-новому. Мачеха решила, что раз она служит новой госпоже, то и прежнее имя ей не подходит, и дала ей новое — Акого.

В свите нового зятя, мужа Саннокими, находился один меченосец⁷, очень смысленный молодой человек по имени Корэтри. Ему приглянулась Акого. Долгое время они посылали друг другу любовные письма и, наконец, вступили в брачный

союз. Супруги откровенно, без утайки, говорили обо всем между собой. Акого часто рассказывала мужу о своей любимой госпоже, о том, какое доброе сердце у Отикубо, как она хороша собой и сколько ей приходится терпеть незаслуженных притеснений и обид от бессердечной мачехи.

Заливаясь слезами, Акого просила:

— Ах, помоги мне устроить ее счастье! Вот было бы хорошо, если б мою барышню тайком выкрал из дому какой-нибудь достойный человек и женился бы на ней.

Акого с меченосцем все время говорили между собой о грустной участи Отикубо и от души ее жалели, стараясь придумать способ, как помочь ей.

Мать этого меченосца была кормилицей одного знатного молодого человека по имени Митиёри. Он был сыном главного начальника Левой гвардии и сам имел звание сакон-но сёсё: младшего начальника Левой гвардии. Юноша был еще не женат и потому расспрашивал всех о том, какие дочери имеются на выданье в благородных семьях.

Как-то раз меченосец завел при нем речь о горькой участи Отикубо, и этот рассказ запал юноше в сердце. Митиёри улучил минуту и, оставшись с меченосцем наедине, стал его подробно расспрашивать о ней.

— Ах, несчастная, как, верно, тяжело у нее на душе! — воскликнул он. — Ты говоришь, она про-

исходит из высочайшего рода... Устрой мне с нею тайную встречу!

— Как же так сразу! Ведь она и в уме таких мыслей не держит. Я должен сначала сообщить ей о ваших намерениях и узнать ее ответ.

— Введи меня к ней в покои, введи непременно, ведь она живет отдельно от семьи, у самых ворот...

Меченосец рассказал обо всем Акогои.

— Но у моей госпожи сейчас ничего подобного и в помыслах нет. Я слышала, кроме того, что этот молодой человек — порядочный повеса, — стала возражать Акогои. — Как же я стану уговаривать ее довериться известному ветренику?

Но, увидев, что муж раздосадован отказом, она мало-помалу сдалась.

— Хорошо, я поговорю с моей госпожой при удобном случае.

Акогои отвели для жилья тесный закуток рядом с комнатой Отикубо. Но Акогои думала, что ей, как служанке, не подобает стелить свою постель вровень с господским ложем, и уходила спать в клетушку, пол которой был еще ниже, чем в покоех ее молодой госпожи.

Был первый день восьмого месяца года.

Отикубо лежала одна на постели. Не в силах сомкнуть глаз, она послала тихую мольбу к своей покойной матери:

— Матушка, возьми меня к себе, мне так тяжело.

О, если у тебя осталась
Хоть капля жалости ко мне,
Вернись, возьми меня с собой.
Не оставляй меня в добычу
Печалям горестной земли.

Так искала она утешения в напрасных жалобах.

На другое утро Акоги попыталась было завести с ней разговор о любовных исканиях молодого вельможи.

— Муж мой сказал мне то-то и то-то... Что вы об этом думаете? Ведь нельзя же вам до конца ваших дней оставаться одинокой.

Девушка ничего не ответила. Акоги смутилась и не знала, как продолжать, а в это время ее позвали:

— Подай госпоже Саннокими воду для умывания!

Так и пришлось ей уйти ни с чем.

В глубине души Отикубо решила, что в жизни ей все равно нечего ждать хорошего. Несчастливая сирота, потерявшая еще в раннем детстве мать, она только и мечтала о смерти. Даже если б она постриглась в монахини, ей все равно не удалось бы покинуть отцовский дом, где к ней так безжалостны. Нет, уж лучше умереть!

Тем временем меченосец отправился во дворец отца Митиёри.

— Ну, что слышно насчет того дела? — нетерпеливо спросил юноша.

— Я потолковал с моей женой, а она говорит: «Так сразу тут ничего не добыешься!» Обычно если

у девушки есть родители, то можно как-нибудь поторопить сватовство, но отец молодой госпожи настолько под пятой своей супруги, что навряд ли с ним столкнешься.

— Я же тебе говорил с самого начала: устрой нам тайную встречу. В такое семейство не очень-то приятно войти на правах законного зятя. Если я ее полюблю, то возьму себе в дом. А если она мне не понравится, то связь можно и прекратить под тем предлогом, что в свете пошли пересуды.

— Я узнаю ее решение и сообщу вам, — сказал меченосец.

— Ты погоди! Надо же мне посмотреть на эту девушку раньше, чем решить окончательно. Как я могу дать свое слово, не повидав ее? Ты скажи, что я, мол, человек верный, не покину ее скоро.

— Не покинете скоро? И это, по-вашему, пылкое признание в любви? — нахмурился меченосец.

— Я хотел сказать «никогда», но оговорился. — И Митиёри со смехом вручил меченосцу любовное послание: — На, возьми, передай.

Тот с неохотой принял письмо и отдал его Акого:

— Вот послание для твоей госпожи.

— Ах, что за мерзость! Нет, уж избавь меня! Я не хочу подбивать свою барышню на разные глупости.

— А ты все-таки уговори ее написать ответ. Ничего в этом нет дурного.

Акого отнесла письмо к Отикубо.

— Вот послание от того молодого человека, о котором я вам недавно говорила.

— Что ты делаешь? Если об этом узнает матушка, разве она меня похвалит? — ужаснулась Отикубо.

— А когда ваша мачеха сказала о вас доброе слово? Вот еще была забота с ней считаться!

Отикубо ничего не ответила.

Акоги зажгла свечу и прочла письмо. В нем было только одно это стихотворение:

Едва я узнал, что живешь ты на свете,
Как сердце мое прилепилось к тебе.
О чистый ключ на горе Цукуба⁸,
Незримый для путника, скажи мне,
Где ключ к незримой моей любви?

— Какой изящный почерк! — тихонько ахнула от восторга Акоги, но, увидев, что Отикубо осталась безучастной, сложила письмо, спрятала его в ларец и вышла из комнаты.

— Ну как, прочла твоя госпожа письмо? — любопытствовал меченосец.

— Нет, и не взглянула даже. Так непрочитанным я его и спрятала.

— Не понимаю. Уж все бы лучше, чем жить так, как она сейчас живет... И нам обоим, глядишь, этот любовный союз пошел бы на пользу.

Наутро тюнагон заглянул по дороге из дому в комнатку своей дочери и увидел, что на ней самое убогое платье. Только длинные черные волосы, красиво рассыпаясь по плечам, несколько

скрадывали безобразие этого наряда. Отцу стало жаль девушку.

— Как ты плохо одета! Жаль мне тебя, ты совсем заброшена, но сначала ведь надо позаботиться о законных дочерях. Если подвернется тебе случай устроить свою жизнь, пожалуйста, без церемоний поступай сама как знаешь. Бедняжка, несладко тебе живется!

Отикубо от смущения не могла выговорить ни слова...

Под впечатлением этой встречи тюнагон сказал своей жене:

— Сейчас я заглянул к Отикубо. На ней только одно убогое тонкое платье из некрашенной ткани. Нет ли у наших дочерей какого-нибудь лишнего старого платья? Нынче ночи такие холодные...

— Ах, я ей все время дарила наряды. И куда только она их подевала? Совсем не умеет беречь!

— Беда с ней! Отикубо рано лишилась материнских забот и к тому же, видно, неряшлива по натуре, — с досадой воскликнул тюнагон.

Госпожа Китаноката велела падчерице шить парадные хакама⁹ для младшего зятя.

— Уж постарайся, сшей как можно лучше. За труды я подарю тебе хорошее платье.

Восторгу девушки не было границ. Она сшила хакама быстро и так красиво, что мачеха осталась довольна и подарила ей со своего плеча старое шелковое платье на вате, украшенное ткаными узорами.